

Максим Гуреев

Булат Окуджава

Просто знать,
и с ЭТИМ жить

ЭПОХА ВЕЛИКИХ ЛЮДЕЙ

Максим Александрович Гуреев Булат Окуджава. Просто знать и с ЭТИМ жить Серия «Эпоха великих людей»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39416440

*Булат Окуджава. Просто знать и с этим жить / Максим Гуреев: АСТ;
Москва; 2019*

ISBN 978-5-17-108623-7

Аннотация

Притом что имя этого человека хорошо известно не только на постсоветском пространстве, но и далеко за его пределами, притом что его песни знают даже те, для кого 91-й год находится на в одном ряду с 1917-м, жизнь Булата Окуджавы, а речь идет именно о нем, под спудом умолчания. Конечно, эпизоды, хронология и общая событийная канва не являются государственной тайной, но миф, созданный самим Булатом Шалвовичем, и по сей день делает жизнь первого барда страны загадочной и малоизученной.

В основу данного текста положена фантасмагория – безымянная рукопись, найденная на одной из старых писательских дач в Переделкине, якобы принадлежавшая перу Окуджавы. Попытка рассказать о художнике, используя им

же изобретенную палитру, видится единственно возможной и наиболее привлекательной для современного читателя.

Содержание

Пролог	6
Глава 1	26
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Максим Гуреев

Булат Окуджава. Просто ЗНАТЬ И С ЭТИМ ЖИТЬ

© М. Гуреев, текст, 2019

© Оформление, ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Пролог

Во время ремонта одной из писательских дач в поселке Мичуринец Внуковского поселения на чердаке в куче старых вещей была обнаружена рукопись, завернутая в газету «Правда» от декабря 1983 года. Заглавные страницы рукописи оказались утраченными, и посему имя автора, а также название сочинения остались неизвестными.

Сезонные рабочие Сархат Шарипов и Машхади Латифи, которые и обнаружили рукопись, отнесли ее в Дом творчества писателей, что находился на улице Серафимовича, где оставили ее на вахте.

Спустя несколько дней рукопись оказалась в редакции одного из «толстых» журналов.

Споры о том, кому мог принадлежать этот текст, потом еще довольно долго были главной темой еженедельных заседаний редколлегии, но к общему мнению здесь так и не пришли, сойдясь, впрочем, на том, что рукопись напечатана быть не может.

Ее сдали в архив в той надежде, что со временем тайна авторства безымянного сочинения будет раскрыта.

А начиналось оно так:

«Из дневника артиллерийского офицера десятого корпуса второй прусской дивизии Михаэля Розена: «Вчера, 26 октября 1812 года, мы получили приказ об отступлении. Бума-

гу из штаба доставил мой старинный приятель, бывший артиллерист, капитан Вильгельм Витке. Он сообщил, что русские перешли в контрнаступление в районе села Терентьево, окружили и разгромили соединение пеших гренадер маршала Даву, к которому была приписана наша батарея. Следовательно, на нас двигалась русская армия под командованием генерала Дохтурова, при том что половина орудий батареи была выведена из строя, а другая половина стояла без боеприпасов. Спешные сборы заняли не более полутора часов, и мы выдвинулись, оставив часть орудийного парка на левом берегу реки Протвы близ погоста со странным названием Кариж. Также Витке предупредил, что окрестные леса изобилуют русскими партизанскими отрядами и казаками атамана Платова, которые по своей дерзости и жестокости не уступают легендарным раубриттерам, что в свое время орудовали на Рейне и в Баварии.

После шести часов пути по единственной проходимой в это время года лесной дороге мы вышли на Боровский тракт, где и заночевали. Ночь, как ни странно, прошла спокойно, однако расставленные вокруг бивака часовые доложили, что под утро на тракте появились неизвестные всадники числом не более десяти сабель и, видимо, не решившись вступить с нами в бой, ретировались, растворившись в предрассветной дымке.

Сейчас я пишу эти заметки и не знаю, что нас ждет впереди».

То, что передовая группа партизанского отряда Игната Зотова ранним утром 27 октября 1812 года наткнулась на артиллерийский бивак десятого корпуса второй прусской дивизии, точнее, на его остатки, было чистой случайностью.

Зотовцы должны были ехать восточнее, вдоль Протвы, но заблудились в непроглядном густом утреннем тумане поздней осени и выбрались на Боровский тракт, скорее, по наитию, не смогли его отличить от десятков подобных уходящих в никуда и приходящих ниоткуда дорог, просто после многочасового движения по заболоченным низинам почувствовали твердую почву под ногами, и лошади понесли. Слава Богу, что вовремя остановились, потому что противостояние многократно превосходящим прусско-французским силам закончилось бы для Зотовцев трагедией.

Вновь вернулись в чащу, спешили и затаились.

В Калужских лесах Игнат Иннокентьевич Зотов появился вскоре после Московского пожара, где-то в середине сентября, и сразу влился в партизанский отряд Андрона Смагина, который наводил ужас на французов, начиная с отвода войск с Бородинского поля. Однако в одной из стычек под Малоярославцем Смагин погиб от шальной пули, прилетевшей, как говорили бывшие в тот момент рядом с Андроном, со своей стороны.

Общим сходом отряда на место покойника был назначен Игнат Зотов как человек смелый, решительный, а также знающий толк в военном деле.

Во время Малоярославецкого сражения Игнат со своими людьми был придан Касимовскому казачьему полку атаману Платова, а уже после победоносного окончания битвы перед ним была поставлена задача преследовать отступающих французов и сдерживать их движение по границе правого берега реки Протвы.

В отряд Смагина Зотов пришел вместе с сестрой Авдотьей Иннокентьевной, ведь только им вдвоем из семьи и удалось спастись из Московского пожара.

Игнат хорошо запомнил ту сентябрьскую ночь, когда все в доме, располагавшемся в Новинском близ Арбата, проснулись от страшного грохота. Выглянув в окно, он увидел пылающие фуражные барки, которые были пришвартованы в нижнем течении Пресни. Ураганный ветер расшвыривал снопы искр и обрывки взлетевшего к небу пламени по всей округе. Почти сразу вспыхнули стоявшие у самой воды сараи и сваленные для просушки вверх дном лодки, деревянные заборы и покосные луга, огонь по которым пошел волнами. Все это напоминало бурю на море, когда влекомые ураганом брызги разлетаются в разные стороны как картечь, с треском вспарывая изломанную шквалом водную гладь. Трава вспыхивала и гасла, то освещая, то погружая в темноту подступы к монастырскому посаду.

Меж тем у пристани взорвалась еще одна барка. Столп оранжевого огня вылетел в небо пуще прежнего, на какое-то время завис в воздухе, оплавливая завихрения прибрежного

песка, и рухнул на жилые дома, что тянулись от реки до Земляного вала.

Все произошло мгновенно — дом вспыхнул, загудел, зашатался. Выбежать из пламени успели только Игнат и Дуня: в чем были, в том и оказались на улице.

И только под утро на пепелище пришел живой дух реки, прелых водорослей, обуглившейся, но живой ракиты, стелющихся водоворотов, из которых на поверхность время от времени выносило сонных рыб и перловицы, ракушки, сложенные как ладони, плотно прижатые друг к другу, будто внутри, как в пещере, в них хранились Святые Дары или реликвии.

И это уже потом пришло осознание того, что нет ни даров, ни реликвий! Все сгорело! А далекие раскаты французской артиллерии возвестили о том, что отныне Москва теперь уже и не вполне Москва, но город, в который вошла Великая армия, во главе которой был низкорослый, неулыбчивый господин, уголки губ которого ни минуты не были в состоянии покоя, они постоянно змеились, дрожали, но всегда стремились только вниз. На первый взгляд могло показаться, что этот господин всегда на кого-то обижен, ведь есть же такие люди, которые таят негодование и разочарование, обиду и неудовольствие вопреки тому, что никто не дает им повода к хранению этих угрюмых состояний.

Однако если бы с Наполеоном все выглядело именно так, то это было бы слишком просто. Еще в детстве он ощущал

в себе постоянное раздражение, но лишь на самого себя, чаяния и надежды сверстников абсолютно не интересовали его, стало быть, обижаться на этих ничтожных, копошащихся людей было ниже его достоинства. Для Наполеона существовал лишь один человек, достойный высоких эмоций и переживаний – это он сам. Когда же ярость, клокотавшая в его груди, становилась совершенно нестерпимой, он начинал кричать – неистово и самозабвенно, потому что был уверен, что всегда прав.

Спустя годы, что и понятно, внутренний и внешний человек стали единым существом, цельным и свободным от детских предрассудков, а лицо этого человека стало полностью неподвижным. Вот разве что уголки острых, словно вырезанных лезвием бритвы губ, что трепетали при малейшем движении мысли или настроения, оставались единственным знаком того, что Наполеон еще жив.

Так и произошло свидание Москвы с Бонапартом.

Игнат Зотов лежал на горячей от ночного пожара земле и думал, что он умер. Все, что будет потом, будет уже с другим человеком, у которого не было ни детства, ни семьи, ни воспоминаний, потому что все это осталось за ревушей, изрыгающей невыносимый жар стеной огня, которую нельзя было миновать, нельзя было перейти ни в ту, ни в обратную сторону.

Теперь оставалось только тупо, не мигая, едва дыша, смотреть перед собой, предполагая, что все это видишь

в первый раз, что никогда ничего подобного не видел.

— А что «это»? Чего никогда раньше не видел? — едва шелея губами, проговорил Игнат Иннокентьевич и сам ответил себе мысленно:

— Вот этой заросшей редкой кривой голутвой долины, холма, на вершине которого некогда стоял Новинский монастырь, излучины реки и неба, выкрашенного пеплом в цвета тлена, не видел. А еще невыносимо слушать этот однообразный, придавливающий к земле звук, что извлекает из своего берестяного рога низкорослый, широкоплечий, со сросшимися на переносице бровями пастух несуществующего стада. Он трубит в свой рог на одном, бесконечной длины дыхании, он надувает щеки, закрывает глаза, раскачивается в такт одному ему известному ритму, в котором можно услышать гул ветра, шум воды на перекатах и крики птиц.

Зотов повернулся на бок, зажал ладонями уши, и сразу наступила тишина, которая на самом деле тишиной не была, но монотонным гулом, что существовал где-то в глубине самой головы. И теперь, когда внешних звуков не существовало, ведь они были отсечены ладонями, он стал естеством, единственным знаком того, что ты жив, потому что полная тишина наступает после смерти. Он видел свою сестру, которая бежала к нему, размахивала руками, что-то кричала, но вместе ее голоса существовал только этот шум, внутри которого собственный голос казался страшным, низким, чужим, принадлежащим какому-то чужому человеку.

В районе Калужской заставы обоз с беженцами столкнулся со входящим в Москву первым полком пеших гренадер Имперской гвардии под командованием бригадного генерала Клод-Этьен Мишеля.

Медленно, буквально бок о бок двигаясь встречными курсами, русские и французы смотрели друг на друга в полном молчании.

Все происходило так, словно каждый из них зажал уши ладонями: только взгляды и неразборчивое бормотание на разных языках, шепоты и тяжелое дыхание смертельно уставших людей.

А еще столбы пыли, поднятой стоптанными сапогами, копытами лошадей, колесами подвод и артиллерийских каравалькад.

Широко открытыми от удивления глазами Дуня Зотова смотрела на эти измученные, небритые, безвольные лица. Куда и зачем они брели, почему были уверены, что здесь, в Москве, встретят они свою славу и победу?

Вопросы, ответы на которые, думается, не дал бы ни один из этих некогда бравых гренадер Великой армии.

Как, впрочем, и в русском обозе никто не знал, куда они едут и что с ними будет дальше.

«Сейчас я пишу эти заметки и не знаю, что нас ждет впереди», – Михаэль Розен убрал блокнот в ранец.

Да, так оно и есть...

Из головы колонны раздался сигнальный горн, и все сра-

зу же пришло в движение: люди, лошади, лафеты с водруженными на них орудиями, подводы фуражного обоза, линейные с красными флажками. Боровский тракт медленно, как бы нехотя, зашевелился под ногами, а обступившие его деревья поплыли назад, знаменуя однообразный, виденный сотни, если не тысячи раз пейзаж.

В эту минуту Розену показалось, что в этой рутине, в этих криках солдат и офицеров, в скрипе колес и лошадином храпе сосредоточена серая бессмысленная обыденность, когда ничего не происходит и тебя одолевают печаль, уныние, что так будет всегда, изо дня в день, из года в год. Только пыль, скрип, неразборчивые возгласы, только трата драгоценного времени на ненужное, на пустое, когда не с кем поговорить, когда мысли приходят, но, не найдя выхода, тут же умирают.

Блокнот, который сейчас лежал в ранце, притороченном к седлу, Михаэль впервые открыл с началом русской кампании, чтобы записывать в нем своим впечатления и мысли. Он был его единственным собеседником и другом, более того, он принадлежал еще его прадеду – Альфреду, известному в Потсдаме оружейнику, которого в Петербург пригласил лично император Петр I.

Согласно семейному преданию, в России Фёдор Казимирович, как его звали на русский манер, конструировал скорострельную многозарядную пушку, которой он даже придумал имя – Большая Ансельма. Для этой надобности Альфред Розен всегда носил с собой этот самый блокнот, в ко-

тором он вел расчеты своего будущего изобретения. Идеи в виде формул и схематических набросков посещали голову Фёдора Казимировича постоянно. Также его влекли необъяснимые с точки зрения науки явления, которые нельзя было выразить при помощи цифровых комбинаций, но они были явью, следовательно, по мысли оружейника, их можно было так или иначе использовать при производстве Большой Ансельмы.

– Что было потом? – усмехнулся Михаэль, – а потом ничего не было, прадед умер от воспаления легких, производство пушки было остановлено, часть семьи вернулась в Потсдам, а часть осталась в Петербурге.

Выдохнул, огляделся – никто ли не видел, как он разговаривает сам с собой? Нет, все были заняты своим делом, все разговаривали сами с собой, со своими мыслями, страхами, потому что в любую минуту ждали, что лес расступится, разомкнет свои вековые объятия, и обоз десятого корпуса второй прусской дивизии окажется на линии огня русской артиллерии или на острие шквальной атаки казаков атамана Платова.

Причем, не было известно, что страшней...

Так, прикрывая при Бородине правый фланг тринадцатой пехотной дивизии генерала Дельзона, батарея Розена была атакована сотней казаков Уварова, которая на полном ходу врезалась во французские реданы, почти перелетела их, мгновенно оказавшись за спиной у полностью опешив-

ших канониров. В ходе такого головокружительного маневра большинство всадников попадали из седел, но, оказавшись на земле, не растерялись и, выхватив сабли и пистолеты, бросились на французов.

Визг, свист, треск, хлопки выстрелов, лошадиное ржание, исступленные вопли, мычание, лязг металла мгновенно превратились в адскую какофонию, в хаос звуков, словно исходящий из преисподней. Чудовищную же картину побоища довершали разлетающиеся в разные стороны отрубленные конечности, хрипение умирающих и яркие вспышки пороховых зарядов, разбросанных по всей батарее, так и не успевшей сделать ни одного выстрела по внезапно налетевшим казакам.

Как тогда Розену удалось выжить, так и осталось для него загадкой.

И вот теперь, когда они отступали по Боровской дороге в сторону Козельска, ожидание атаки, от которой зависела жизнь этих превратившихся в слух и напряжение людей, сузилось до осеннего пыльного тракта, зажатого между грозными и величественными стволами векового леса.

Впоследствии в своем дневнике, первая часть которого была заполнена арифметическими формулами и схематическими набросками Большой Ансельмы, сделанными еще Фёдором Казимировичем, Михаэль запишет:

«Мы вошли в лес, который, как мне показалось, был населен живыми существами. Они следили за нами отовсюду».

ду, но это были не люди. Движения их были столь неуловимы и быстры, а взгляды – столь остры и пронизательны, что я ощущал себя полностью беззащитным перед ними.

После нескольких часов движения стало ясно, что лес не только не поменялся, но обрел еще более сумрачные и непроходимые очертания. Казалось, что он вел нас по какой-то только ему ведомой дороге.

Все чаще солдаты и офицеры просили у меня разрешения присесть на обочину тракта, потому что чувствовали нестерпимую дурноту и головокружение. Я, разумеется, разрешал, но скорость нашего движения вперед от этого не увеличивалась. Ночь здесь наступила внезапно, и в кромешной темноте нам пришлось ставить лагерь и разводить костры. Несколько канониров, отправленных за дровами, не вернулись. Стало ясно, что идти на их поиски сейчас никто не согласится, потому что приказы в такой обстановке не действуют. И тогда за ними пошел я, сказав, что скоро вернусь и ужин к тому времени должен быть готов».

Постепенно глаза привыкли к темноте, и взору Розена предстала целая чаща, деревья в которой были расставлены таким образом, что могло показаться, что они находятся в постоянном движении, не стоят на одном месте, но прячутся друг за друга, водят причудливый хоровод, задевая друг друга кронами, расковыривая в поисках живности вздыбленными корнями землю. При этом они напоминали совершенно хищных птиц, что в случае удачной охоты сжимали в кри-

вых с навершиями в виде острых загнутых когтей лапах полевую мышь или змею.

Сам не понимая зачем, он ускорил шаг, но тут же налетел на поваленный ствол, упал, вновь поднялся, теперь уже победжал и вновь упал, разбив лицо в кровь. Потом еще какое-то время, которое показалось вечностью, Розен, уже не разбирая пути, брел через дубраву в полной тишине, но, оказавшись в заболоченной ложбине, утыканной тонкими, мерно раскачивающимися в такт дыханию топи деревцами, что более напоминали вехи, вдруг услышал у себя за спиной человеческие голоса, крики, выстрелы, лошадиное ржание, надрывный собачий лай.

Разбил лоб и колени.

Пот на спине заledenел, и острый пронизывающий холод постепенно, тяжелым, неподъемным грузом лег на плечи, придавил к земле, полностью отняв волю. Михаэль тут же и вспомнил, как в детстве старший брат часто говорил ему – «У тебя нет воли, ты безвольный!»

От этих слов, сказанных громко и хлестко, становилось невыносимо тоскливо, будто брат безо всякого сомнения оглашал приговор, а так как делал это довольно часто, то никогда не задумывался о том, что его слова могут доставлять боль. Это просто не приходило ему в голову. Видимо, он вообще не придавал словам такого большого значения, наделяя их лишь информативной функцией. Не более того! Он ставил в известность при помощи слов. А так как был чело-

век он уверенный в себе и не терпящий никаких возражений, то не понимал, почему на него обижались за сказанное им.

Скорее всего, таким незамысловатым образом брат хотел изменить людей в лучшую сторону, наставить на путь истинный. Порой он даже начинал говорить притчами, вероятно, видя себя мудрецом, познавшим жизнь.

Другое дело, что все эти нравоучительные эскапады были почерпнуты им из дешевых брошюр, которые бесплатно раздавали в лютеранском приходе святой Екатерины, который Эрих Розен посещал по воскресным дням.

– Вот посмотри на это дерево, – говорил старший брат младшему, – видишь, как оно огромно, как уродливы его корни и страшна его кора, а ветви, как корявые руки старух, тянутся к небу, но не могут до него дотянуться. Оно уже не может давать жизнь. И тогда ветер набрасывается на старое дерево, а так как оно уже не в силах изгибаться под его стремительными порывами, то начинает утробно, словно с трудом переваривает тяжелую пищу, трещать. Ветер крепчает, и треск усиливается. А теперь посмотри на этот слабый росток...

При этих словах Эрих поднимал вверх левую руку, словно указывал на этот самый воображаемый росток, перебирал в воздухе пальцами, начинал опускать руку вниз и при этом продолжал вещать:

– Он тонок и слаб, но он красив и мягок, ветер гнет его к самой земле, но не в силах сломить!

Михаэль сел на землю.

Постепенно понимание того, что с ним сейчас произошло и что произошло там, на Боровском тракте с остатками десятого корпуса второй прусской дивизии, начало приходить к нему. Осознание этого властно и неизбежно перекрывало все иные ощущения и состояния – холод, смертельную усталость, тупую ноющую боль, страх.

Значит, отправившись на поиски канониров лишь во исполнение нравственного долга, проявив при этом безволие и покорность обстоятельствам, не проявив офицерской настойчивости и совершенно не подумав о том, что его может ждать одного в ночном лесу в глубоком русском тылу, Розен невольно ощутил, что совесть его чиста, спокойна, и это спокойствие наполняет все его существо. Ему даже захотелось улыбнуться, потому что для своего спасения он не сделал ничего безнравственного, противного, просто так вышло. Это не было хитроумным расчетом, но таким образом сложившимися обстоятельствами, в замысловатом ходе которых было невозможно себя упрекнуть. Конечно, и Михаэль понимал, что во всяком стечении событий есть свой смысл, свой план, понять который порой не представляется возможным. Да, спустя годы понимание произошедшего все-таки наступает, но само ожидание этого наступления понимания есть часть большой душевной работы, когда ты собеседуешь сам с собой, сомневаешься, ищешь ответы на вопросы и не находишь их, порой оказываешься на грани от-

чаяния, считаешь часы, дни, наконец полностью забываешь о времени и уже ни на что не надеешься.

Розен зажал ладонями уши, и сразу наступила тишина.

Игнат Зотов повернулся на бок, зажал ладонями уши, и сразу наступила тишина, которая на самом деле тишиной не была, но монотонным гулом, что присутствовал внутри его головы. И теперь, когда внешних звуков не существовало, ведь они были отсечены ладонями, он стал естеством, единственным знаком того, что ты жив, потому что полная тишина наступает после смерти.

После пережитого пожара, после гибели в нем матери, младшего брата, после исчезновения дома, в котором прошло детство, в Игнате что-то надломилось. Он сам это почувствовал, переживал от того, что душа его словно очерствела и он уже никогда не сможет быть таким, каким он был до той сентябрьской ночи 1812 года.

И вот сейчас, когда он смотрел на проходящие мимо обозы пеших гренадер Имперской гвардии, на раскачивающиеся в поднятой тысячами ног и копыт пыли значки и штандарты полков и батальонов, он ощущал в себе лишь абсолютную ледяную пустоту ярости, которая давно переплавилась и окаменела, как это бывает у давно отчаявшейся вырваться на свободу цепной собаки – огромного лохматого чудовища на тонких жилистых лапах.

Зотов хорошо запомнил, как однажды в детстве, зимой, возвращаясь с сестрой после всенощной через Пресненскую

пустошь, они наткнулись на, по всей видимости, бешеную собаку.

Тогда от неожиданности Дуня резко встала и замерла на одном месте, а от этой внезапной остановки Игнат наткнулся на нее, поскользнулся и упал.

– Не вставай! – на едином выдохе свистящим полушепотом выкрикнула сестра и, закрыв собой брата, подняла с земли огромную суковатую палку.

Собака зарычала, оскалила зубы, подернутые желтой пеной, и придурковато вывернула голову вправо-вниз, словно ее морду сковала судорога.

– Уходи! – Дуня сделала шаг вперед и замахнулась на собаку, – пошла прочь!

Больное животное медленно перевело взгляд на девочку, прижало уши к голове, закатило глаза и завыло. От страха Игнат уткнулся лицом в мокрые, пахнущие овчиной рукавицы и заплакал, затрясся от сотрясающих его рыданий, боясь зарыдать вслух.

Однако неожиданно, как и начался, вой прекратился.

Собака сделала несколько вихляющих шагов назад и легла на снег.

– А теперь вставай и пошли! – неожиданно громко произнесла Авдотья Иннокентьевна, обращаясь к брату, – не бойся! Она не тронет! – и бросила палку на землю.

Суковатая дубина упала на снег.

Игнат Иннокентьевич пошевелил губами, словно при по-

мощи беззвучных фраз попытался объяснить себе, что тишина заключается не в отсутствии звуков, но в отсутствии слов, а потом резко убрал ладони от ушей, и низкий женский голос тут же ворвался ему в голову:

Разорил Москву неприятель злой,
Неприятель злой, француз молодой,
Повыкатывал француз пушки медные,
Направлял француз ружья светлые,
Он стрелял-палил в Москву-матушку,
Оттого Москва загорелась,
Мать сыра земля потрясалась,
А все Божьи церкви развалились,
Златы маковки покатились...

А ведь сначала и не узнал голос сестры, он показался Зотову каким-то чужим, принадлежащим неизвестной женщине. И вот сейчас он отстраненно смотрел на нее, как она пела, как раскачивалась в такт мелодии:

Как на горочке было, на горе,
На высокой было, на крутой,
Тут стояла нова слобода,
По прозванию матушка Москва,
Ожидала своей лютой гибели...

Ожидание как душевный труд, как грань отчаяния, как поиск ответов на вопросы, как отсутствие времени, как по-

стижение той непреложной истины, что ожидание когда-нибудь заканчивается.

И Михаэль убрал ладони от ушей.

– Ты кто таков будешь?

Розен обернулся – перед ним стояла высокая молодая женщина в полушубке. В руках она держала кавалерийский штуцер со взведенным замком.

– Авдотья Иннокентьевна, да француз это, черт нерусский! Кончать его надо! – пришепётывая, скороговоркой выпалил бородатый беззубый мужик-лесовик в рваном тулупе с подвернутыми до локтей рукавами и масляной лампой, притороченной к поясу.

– Ну-ка посвети на него...

– Можно, Авдотья Иннокентьевна, и посветить на супостата, – ловким движением лесовик отстегнул лампу и, подняв ее над головой, двинулся к Розену.

Михаэль отчетливо увидел его худую жилистую руку, по которой, как по мутным, заросшим улитками стенкам аквариума, что стоял в доме его отца в Потсдаме, начали движения блеклые тени-змеи.

Подойдя к Розену почти вплотную, бородатый мужик наклонился к самому лицу Михаэля, осветив оба лица одновременно – свое и артиллерийского офицера десятого корпуса второй прусской дивизии.

– А вы похожи, – рассмеялся выросший из темноты рослый кудрявый парень.

– Тьфу на тебя, Митька! – мужик-лесовик бешено заврастал глазами, чем еще больше рассмешил окруживших Розена партизан.

Эти освещаемые слабыми желтоватыми сполохами масляной лампы улыбающиеся лица, возникшие из ниоткуда, вдруг напомнили Михаэлю лесных жителей из сказки о Гензель и Гретель, которую ему в детстве рассказывала мать, и, сам не зная почему, он тоже улыбнулся.

– Смотри-ка, а наш-то француз веселый! – заголосил лесовик, хотя теперь он больше походил на скомороха, что размахивал своей лампой, кривлялся и совсем не был похож на человека, который еще несколько минут назад призывал убить пленного.

– Скор ты на расправу, Парамоша, – пробасил кудрявый парень.

– Да, – продолжал блажить лесовик-скоморох, – мы, калужские, такие, потому и праведники!»

Глава 1

Из Калуги выехали в двенадцатом часу, хотя планировали начать движение в начале одиннадцатого. Тут пока прособирались, пока ловили попутку, ей оказался армейский грузовик, шедший порожняком в Сухиничи, пока выбирались за Оку, на мосту проводился ремонт и было организовано однопутное движение, которым управлял грозного вида ушастый регулировщик в фуражке, надвинутой на самые глаза.

Слепил целлулоидным козырьком на солнце – злодей, зыркал по сторонам свирепо, приговаривал: «поехали-поехали, не задерживаемся», правил этот самый лучезарный козырек указательным пальцем без ногтя.

Так и время пролетело незаметно.

Наконец выбрались из затора, поднялись до деревни Сикеотово, названной так по церкви Федора Сикеота, что и понятно, а Калуга при этом осталась за спиной, под высоким правым берегом, и легли на курс, на Каменку, от которой до Шамордино рукой подать.

Была середина августа 1950 года.

Тепло.

Солнечно.

Сухо.

Жену Галину и младшего брата Витю посадил в кабину к водителю, сам же устроился на деревянной скамейке в ку-

зове грузовика с откинутым брезентовым верхом.

На скорости этот брезент гремел на горячем встречном ветру, который был замешан на вонючем бензиновом прогаре, столбом стоящей по обочинам дороги песчаной пыли и запахе далеких костров: видимо, где-то на лесосеках жгли сучья.

Как тут было не вспомнить август 1942 года, когда их, призывников точно на таком же бортовом грузовике перебрасывали с Тбилисского карантина в Кахетию, где дислоцировался 10-й отдельный запасной минометный дивизион.

Тогда все сидели молча, испуганно смотрели по сторонам, вероятно, думали о том, что сейчас творится в Сталинграде, со страхом мечтали оказаться на месте защитников города. Не знали, вернее, не могли знать, что силами 4-го воздушного флота люфтваффе город тогда уже был разрушен до основания, превращен в гигантский пылающий кратер, в котором погибло более 90 тысяч человек, а на северную окраину Сталинграда, в районе поселков Акатовка и Рынок, вышла ударная группировка 6-й немецкой армии.

По прибытии в распоряжение дивизиона всех построили на плацу, провели перекличку и повели строем в казармы, под которые были переоборудованы местный клуб и несколько складских барakov.

Новобранцев старослужащие встретили без особого энтузиазма, неприветливо встретили, мол, какой от этих мальчишек толк – ни дисциплины, ни умения, только суета и бес-

порядок.

До принятия присяги так и ходили кто в чем, разве что выданные командованием шапки альпийских стрелков, неизвестно откуда взявшиеся в этих краях, хоть как-то напоминали о том, что это 10-й отдельный запасной минометный дивизион, а не пионерлагерь.

И это уже потом были поход в баню, опять же строем, выдача новой формы, присяга в Тбилисском Доме офицеров, отправка в учебку, а затем и на Северо-Кавказский фронт под Моздок в составе минометной бригады 254-го гвардейского кавалерийского полка.

Тогда переброска осуществлялась на американских «Студебеккерах», сейчас ехали на 150-м ЗиСе.

До Перемышля долетели за полчаса.

Остановились у рынка в центре города.

Водитель-срочник побежал за куревом.

Галя и Витя выбрались из кабины, чтобы размять ноги.

Огляделись.

На Рождественском храме, переоборудованном под дом пионеров, висел выгоревший на солнце плакат, на котором был изображен товарищ Сталин в окружении улыбающихся школьников. На плакате было начертано – «Пусть здравствует и процветает наша Родина!»

– Булат, а сколько нам еще осталось ехать? – обратилась Галя к так и оставшемуся сидеть в кузове мужчине, что неопределенно повел плечами в ответ:

– Не знаю, километров сорок, может быть...

Нет, он совершенно не понимал, как мог оказаться здесь, в этой местности, затерянной между Калугой и Сухиничами, более чем в двухстах километрах от Москвы, никак не мог свыкнуться с мыслью о том, что именно здесь ему теперь предстоит жить и работать.

Конечно, все предшествовавшие события жизни Булата должны были приучить его к тому, что подобные повороты возможны и даже неизбежны. И умом он, конечно, понимал эту данность, но вот привыкнуть, найти сердечный отклик внутри себя, принять ее почему-то не получалось.

– Поехали, – весело крикнул водитель, неожиданно вынырнувший из рыночной толчеи. Лицо его выражало бесконечное удовольствие, видимо, затея с куревом увенчалась полным успехом. Ловко прыгнул в кабину и запустил двигатель.

В 1950 году Булат Шалвович Окуджава окончил филологический факультет Тбилисского государственного университета имени И.В. Сталина и перебрался в Москву, где ему по распределению как сыну «врага народа», было предложено проследовать сначала во Владимир (тут даже и слушать не захотели о его трудоустройстве), а затем в Калугу.

Разумеется, безропотно проследовал, но и здесь его не оставили, а перенаправили в среднюю школу деревни Шамордино Перемышльского района.

Все эти мытарства (предумышленные, разумеется) напо-

минали ему ссылку, негласное наказание. Естественно, имея репрессированного в 1937 году отца и мать, отбывающую срок по статье 58-10 УК РСФСР на поселении Большой Улой в Красноярском крае (причем уже второй срок), на что можно было рассчитывать другое?

Ни на что...

Подняв тучу сухой песочной взвеси, грузовик развернулся на площади перед домом пионеров и свернул в первую улицу, тесно заставленную деревянными одноэтажными домами.

Булат оглянулся.

Ему показалось, что Иосиф Виссарионович на минуту отвлекся от своих юных друзей и провожает его своим ласковым, с прищуром, взглядом, как бы напутствует, ведь молодому учителю и фронтовику пойдет только на пользу эта поездка по «здравствующей и процветающей нашей Родине».

Кузов загрохотал на выбоинах, тут же в такт захлопал брезентовый верх, и видение пропало в дорожной пыли.

Всю дорогу до Каменки, вернее, до поворота на Шамордино, убеждал себя в том, что никакая это не ссылка, что, как ему сказали в областном отделе народного образования, это прекрасная возможность собрать уникальные материалы о Льве Николаевиче Толстом, бывавшем в этих краях, а также о его сестре Марии Николаевне, которая была монахиней Казанского Шамординского монастыря.

Сначала эта мысль казалась заманчивой – уход великого

старца, его духовное общение с сестрой, богоборчество и одновременно богоискательство Льва Николаевича. Однако по мере приближения к Шамордино все это более и более обретало черты чего-то кромешно далекого, возбуждающего любопытство, но не более того, не могущего стать смыслом новой жизни. Именно новой, когда закончилась война, наступил мир и все должно быть совсем по-другому.

Булат смотрел на пронесившиеся мимо заборы и кособокие деревянные постройки, колхозные сады и стоящих вдоль дороги стариков с окладистыми седыми бородами, усмехался – нет, не получается себя переубедить, хотя некоторые из этих стариков очень даже походили на графа Толстого.

Булат хорошо запомнил тот февральский день 1937 года, когда его отца – Шалву Степановича Окуджаву, первого секретаря Нижнетагильского горкома партии, арестовали по делу о троцкистском заговоре на Уралвагонстрое.

Потом брел после уроков по пустому школьному коридору, а со стен на него с укоризной смотрели Пушкин и Маяковский, Николай Васильевич и Лев Николаевич.

Вдруг до его слуха донеслось: «Вон, сын троцкиста идет». Оглянулся, попытался догнать обидчика.

Безуспешно.

Слезы выступили на глазах.

И тогда неожиданно пришло в голову, а может быть его отец действительно виноват перед этим самым Уралвагонстроем, перед товарищами по партии, да и вообще перед все-

ми коммунистами Нижнего Тагила и СССР, может быть, его арестовали за дело, потому что всем было известно, что враг не дремлет и даже самые опытные и проверенные большевики могут ошибаться, встав на путь измены.

С этими мыслями, от которых мутился рассудок, сам не помня, как, он пришел домой, но когда мать открыла ему дверь, то отчетливо понял, что не может убедить себя в том, что его отец виновен, что он может быть предателем.

Это было как вспышка, как озарение, после которых стало легче дышать.

Когда подъехали к Каменке, то небо затянуло грозовыми облаками, и поднявшийся ветер задышал приближающейся осенью, принесся первые капли дождя.

Остаток пути до Шамордино, а это не более двух километров, пришлось проделать пешком. Разбитая дорога тут поднялась в гору, сделала крюк и вывела к излучине реки Серёны, которая извивалась на дне огромного, более напоминавшего каньон, оврага. На горизонте вознеслись сумрачные, красного кирпича сооружения бывшего Казанского монастыря.

Дождь усилился.

«Этот холм, мягкий и заросший, это высокое небо, этот полуразрушенный собор, несколько домишек вокруг... А там, за оврагом, – Васильевка, деревенька, похожая на растянувшуюся детскую гармошку.

...Как хорошо! Как тихо! И солнце... Внизу, под холмом,

счастливой подковкою изогнулась река. На горизонте лес. Почему я отказывался ехать сюда? Не помню. Уже не помню...» — напишет впоследствии Булат Шалвович о Шамординских далях.

Конечно, в годы юности мечтал поселиться где-нибудь в русской глубинке, чтобы жить в старинном деревянном доме с верандой с видом на реку и заливные луга, заниматься тут творчеством в уединении, совершенно уподобившись при этом Александру Пушкину в Михайловском или Николаю Некрасову в Карабихе. Мечтания, которым, впрочем, предается любой горожанин, знакомый с «деревенской» жизнью лишь по книгам или по визитам к друзьям на Николину Гору, в Комарово или в Переделкино.

На самом же деле все обстояло совсем по-другому.

Семью Булата поселили в двух крошечных комнатках в учительском общежитии, которое размещалось в бывшем келарском корпусе монастыря.

Печное отопление.

Дров не хватает.

Удобства на улице.

Колонка зимой замерзает.

За водой надо ходить на реку — метров пятьдесят по отвесному склону вниз, а потом с полными ведрами вверх.

Баня по воскресеньям.

Электричества нет.

Освещение керосиновыми лампами.

За продуктами по субботам надо ездить на рынок в Козельск, а это 20 километров.

Подсобное хозяйство (огород или скотина), без которого тут не выжить.

Обязательные сельхозработы вместе с учениками и коллегами-учителями.

И наконец, сама Шамординская средняя школа, которая располагалась в бывшем двухэтажном больничном корпусе монастыря, – шестьсот учеников, занятия в две смены.

Булат Шалвович вспоминал: «Меднолицые мои ученики плавно приближаются ко мне из полумрака классной комнаты. Ко мне, ко мне... Они плывут в бесшумных своих лодках, и красноватое пламя освещает их лица. И я, словно Бог, учу их простым словам, самым первым и самым значительным.

Однако с грамотностью у “меднолицых моих” хуже некуда, до книг неохочи, учеба для них – и повинность, и какой-никакой отдых от непосильной, с ранних лет, работы в колхозе и дома...

Я ведь говорил, что учитель из меня не получится. Я не могу читать без конца “Я памятник себе воздвиг...” Я не воздвигал. Он тоже не воздвигал. Он шутил. Не делайте серьезных физиономий! А вам, чудаки, зачем эта программа? Учитесь говорить о любви вот так, в перерывах между школой и работой в хлеву. Торопитесь – нам немного отпущено.

– Давайте дополним программу, а? – смеюсь я.

А они молчат.

– Тот, кто составлял эту программу, никогда никого в жизни не любил...»

Возвращался после занятий в свою «келью» поздно совершенно опустошенный.

Не было ни сил, ни желания что-то писать, сочинять, а ведь надо было еще проверить тетради, подготовиться к завтрашним занятиям, протопить печь.

Так и сидел за столом с остановившимся взглядом, хлебал сваренный Галей из дешевой Козельской колбасы суп и выслушивал бесконечные жалобы младшего брата на одноклассников, на деревенскую нищету и убожество, и, конечно, на самого себя, на старшего брата, который завез его в эту дыру, где только и остается, что сдохнуть.

Директор школы Михаил Солохин дал Булату восьмые классы, а также классное руководство в шестом. Школяры, некоторые из которых выглядели старше своего учителя (было много второгодников), смотрели на Окуджаву с недоверием, принимая требовательность «городского мальчика» за заносчивость, а строгость – за надменность.

При таком положении дел, что и понятно, конфликты были неизбежны.

Например, Булат сразу предупредил, что никаких поблажек и скидок на тяжелые условия жизни не будет, что все находятся в одинаковом положении, всем трудно, и все обязаны учиться.

Директор школы и учителя, конечно же, встали на сторону детей, но вовсе не по причине своего повышенного гуманизма и филантропии, а потому, что ужасающие показатели по таким предметам, как русский язык и литература, кардинальным образом портили ежемесячные благообразные отчеты в облоно о достижениях и успехах в сельском образовании на местах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.